

Таким образом, начиная с 1944 г. лов осетра, согласно правилам рыболовства, был запрещен повсеместно. В результате указанного запрета в озерно-речной системе Байкала вновь появилось достаточное количество осетровой молоди, увеличилось и стадо производителей.

Список использованной литературы и источников

1. Кожов М. М. Биология озера Байкал / М. М. Кожов. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — 315 с.
2. Мартос А. Письма о Восточной Сибири / А. Мартос. — М. : Университетская библиотека, 1827. — 291 с.
3. Мишарин К. И. Промысел и воспроизводство рыбы на Байкале / К. И. Мишарин. — Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1949. — 55 с.
4. Пежемский П. И. Рыбная производительность озера Байкал / П. И. Пежемский. — Иркутск, 1852. — 34 с.
5. Попов А. Г. Историческая справка о рыболовстве на озере Байкал / А. Г. Попов // Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал. — 1958. — № 1. — С. 32–38.
6. Фертауп Е. Рыбное хозяйство на путях социалистической реконструкции / Е. Фертауп. — М.; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. — 88 с.

Информация об авторе

Аргунова Юлия Юрьевна — соискатель, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: yulee@mail.ru.

Author

Yuliya Yu. Argunova — Ph.D. student, Department of History and International relations, Baikal State University, 11 Lenin str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: yulee@mail.ru.

УДК 94
ББК 63.3

Э.В. БАТУНАЕВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются торгово-экономические отношения России и Монголии в первой четверти XX в. Анализируются основные направления русско-монгольской торговли, деятельность российских предпринимателей, экономические и политические интересы России в Монголии.

Ключевые слова: Россия, Монголия, российско-монгольские отношения, договор, экспорт, импорт, русско-монгольское соглашение 1912 г., торговый протокол.

SOME ASPECTS OF RUSSIAN-MONGOLIAN TRADE AND ECONOMIC RELATION IN THE FIRST QUARTER OF XX CENTURE

The article deals with the trade and economic relations between Russia and Mongolia in the first quarter of XX century. We analyze the main directions of Russian-Mongolian trade activity of Russian business, economic and political interests of Russia in Mongolia.

Keywords: Russia, Mongolia, the Russian-Mongolian relations, contract, export, import, Russian-Mongolian agreement in 1912, the trade protocol.

Русско-китайские и русско-монгольские отношения развивались на основе договоров, заключенных между правительствами Российского и Маньчжурского государств — Нерчинского (1689 г.), Буринского и Кяхтинского (1727 г.). Русско-китайская торговля велась преимущественно в Кяхте, Калгане и Пекине. Караванный торговый путь пересекал Внешнюю Монголию с севера на юг. В 1858 г. Тяньцзиньским, а в 1860 г. Пекинским договорами была еще раз уточнена русская граница, соприкасавшаяся с бывшей Маньчжурией, Баргой, Внешней Монголией и Синьцзяном. Договорами предусматривалось установление здесь особой приграничной полосы по 50 верст в обе стороны от рубежей. В этой полосе подданным России и Маньчжурской империи разрешалось вести беспошлинную торговлю. В 1860 г. русское правительство направило во Внешнюю Монголию, в Ургу, своего первого консула Я.П. Шишмарева. В дальнейшем привилегии России по торговле во Внешней Монголии были расширены на основе дополнительно подписанных 20 июня 1862 г. обеими сторонами «Правил сухопутной торговли» между Россией и Китаем. Согласно этим актам, кроме торговли в приграничной полосе, русским торговым фирмам и отдельным торговцам предоставлялось право торговать с монголами беспошлинно во всех населенных пунктах Внешней Монголии, возводить там постройки для своих факторий.

Основными товарами русского экспорта в Монголию были текстиль, железные и кожаные изделия и ряд других предметов. Из России в Монголию ввозились «выделанные кожи, мануфактурные, бакалейные, галантерейные товары, железные и медные изделия, железо, эмалированные и фарфоровые изделия, маральи рога, в незначительном количестве хлебные продукты, табачные изделия и русские вина, укупорочные материалы, гамбургское серебро и русские кредитные билеты». Русский текстиль уступал по качеству иностранному (английскому) и на монгольском рынке не выдерживал с ним конкуренции. Поэтому многие купцы вынуждены были торговать иностранным текстилем, приобретая его в странах Запада или у китайцев.

Основными статьями русского импорта в 1906 г. были «мытая верблюжья и баранья шерсть, тарбаганьи (сурковые) шкурки, конская грива, разные шкуры, пушнина, лисьи, хорьковые шкурки, бараны, крупный рогатый скот, лошади, коровье масло, в незначительном количестве кирпичный чай, мелкие китайские товары, войлок». Только через Тункинскую долину в Иркутск ежегодно прогонялось до 20 тыс. голов крупного рогатого скота, свыше 12 тыс. овец и свыше тысячи лошадей на сумму около 1 млн р. [9, с. 157].

По мере активизации цинской политики усилилась торгово-ростовщическая деятельность китайских купцов. Крупнейшими китайскими фирмами в Монголии, занимавшимися преимущественно ростовщическими операциями, были фирмы Да Шэнху, Тянь Идэ, Юань Шэндэ и Юн Цзичэна. Общий годовой оборот всех китайских фирм во Внешней Монголии к концу XIX в. исчислялся в несколько десятков миллионов лан. О богатстве фирм Да Шэнху и Юань Шэндэ монголы образно говорили, что первая из них может устлать дорогу от Урги до Пекина (2 тыс. км) 50-лановыми серебряными слитками, а вторая — покрыть всю эту дорогу верблюдами по паре в ряд [4, с. 228].

Следует отметить, что только одна китайская фирма Да Шэнху ежегодно угоняла из Северной Монголии в Китай до 500 тыс. овец и до 70 тыс. лошадей [7, с. 172]. По образной оценке К. Дэмбэрэла, «Монголия в качестве китайской провинции, взятой за горло китайским рынком, являлась самой непосредственной жертвой китайской колонизации. Цинский Китай нес в Монголию экономическое рабство, разрушал основные устои монгольского экономического быта и, вместе с тем, выкачивал из Монголии весь ее доход, но с каждым годом вывозил капитал и подрывал ее народное хозяйство» [3, с. 49]. За счет исключительно низкой цены на монгольское сырье и искусственно установленной китайскими купцами высокой цены на привозимые ими товары, перепродавая сырье предпринимателям Европы, Америки и Японии, а также, отпуская товары в кредит под высокий процент монгольскому населению, они превращались в богатейших компрадоров.

По свидетельству известного русского монголоведа А.М. Позднеева: «Капиталы некоторых китайских фирм в Монголии возросли до десятков миллионов» [8, с. 317]. Кредитуя товарами и деньгами монгольских феодалов и аратов, торгово-ростовщические фирмы Китая делали все для того, чтобы превратить их в неоплатных должников. Они начисляли проценты на первоначальную сумму долга. Китайские ростовщические фирмы ежегодно отбирали у монгольских аратов в счет погашения долгов и процентов все большее количество скота и сырья, которое вывозилось в Китай, а оттуда на рынки Англии, США и других стран мира.

Характеризуя китайскую торговлю, И.М. Майский отмечает: «Если хозяева отказывались от всего или части привезенного в долг товара,

приказчик, сопровождавший караван вынимал хадак, глиняный горшок с вином, какую-нибудь мелочь по части галантереи и все это с поклоном преподносил строптивому монголу. Не принять подарка было нельзя, по монгольским понятиям, это означало бы жестокое оскорбление... Таким путем китайские купцы, почти насильно, заставляли монголов влезать в долги, за которые впоследствии им приходилось тяжело расплачиваться [7, с. 176].

Таким образом, китайский торгово-ростовщический капитал создал в Монголии гибкую организацию, помогавшую ему сохранять монопольное положение на монгольском рынке. В качестве основного средства закабаления и эксплуатации аратов применял систему продажи товаров в долг с условием погашения долга определенным видом сырья или скота. На долг начислялись высокие ростовщические проценты. Кроме того, каждый аймак, каждый хошун, каждая аратская семья находились в неоплатном долгу перед китайскими купцами.

В связи с ростом русско-монгольского товарооборота по настоянию торгово-промышленных кругов при царской администрации был создан ряд комиссий и комитетов. Так, при иркутском генерал-губернаторе был создан Постоянный особый комитет по монгольским вопросам, при Министерстве торговли и промышленности в Петербурге в 1910 г. образовано Особое междудементальное совещание по делам Монголии. Оно разработало ряд мероприятий, однако революция в Китае и подъем национально-освободительного движения в Монголии помешали их осуществлению.

Созданная в начале XX в. Русская экспортная палата уделяла большое внимание торговле с Монголией, на заседаниях дальневосточного отдела палаты регулярно слушались доклады представителей торговых кругов. Экспортная палата имела своих уполномоченных в Монголии, во многих районах Сибири и Дальнего Востока.

Владельцы русских текстильных и кожевенных фабрик, московские и сибирские купцы требовали от царского правительства принятия решительных мер для дальнейшей активизации торговли в Монголии и проведения политики, ослабляющей позиции китайского ростовщического капитала и противодействующей проникновению Японии и других держав в Монголию. Выдвигались различные варианты и методы ее осуществления, а также предлагалось использовать ошибки Пекина. Российское правительство, стремясь закрепить положение Внешней Монголии как сферы своего влияния, пошло на принятие ряда значительных практических мер.

В Монголию направлялись различные экспедиции, по возвращении представлявшие свои рекомендации правительству и торговым кругам России. В 1910 г. были организованы две экспедиции в Монголию с целью изучения состояния русско-монгольской торговли и перспектив ее

развития. Сибирские купцы субсидировали посланных Томским университетом М.И. Боголепова и М.Н. Соболева, а московские, среди которых были такие крупные банкиры и промышленники, как П.П. Рябушинский, Н.Д. Морозов и другие, на средства 73 фирм командировали в страну представителей шести крупнейших компаний под руководством полковника В.Л. Попова и агронома И.М. Морозова. Предметом изучения обеих экспедиций было общее состояние русско-монгольской торговли, ее форм, методов, торговых путей, потребностей населения, торговых центров страны.

В связи с этим довольно интересным представляется план посла Далай ламы XIII Агвана Доржиева по усилению русского влияния на Дальнем Востоке, в частности в Монголии, представленный царским министрам в виде секретной записки в ноябре 1907 г. По мнению А. Доржиева, в создавшихся в Центральной и Восточной Азии условиях России «необходимо совершить культурно-экономическое мирное укрепление в Монголии. «Россия может укрепиться там без особого труда, — писал он, — ибо у нее имеются этнографическо-бытовые, материально-экономические и религиозно-культурные посредствующие звенья на всем протяжении китайской границы — начиная с туркестанских инородцев и кончая бурятами и тунгусами». Чтобы использовать эти звенья, царское правительство, по мнению автора записки, обязано приступить к развитию местной торговли и промышленности, распространению культуры и просвещения среди этих народов, «не насилуя их национальных, религиозных и бытовых особенностей» [9, с. 164].

Вместе с тем сам факт появления этого плана лишний раз подтверждает серьезную озабоченность в начале XX в. правящих кругов России, ее торгово-промышленных слоев обстановкой на Дальнем Востоке. В начале XX в. Россия была связана рядом соглашений с иностранными державами по монгольскому вопросу. Поэтому русские правительственные круги нередко шли на компромисс с Англией и Японией. В частности, в 1907 г. было заключено секретное соглашение, по которому Внешняя Монголия признавалась сферой влияния царской России, а Внутренняя Монголия (исключая Баргу) — сферой влияния Японии. После достижения Монголией независимости русско-монгольская торговля регулировалась уже упоминавшимся соглашением 1912 г. Монгольское правительство предоставило русским купцам права и преимущества, которые были перечислены в прилагавшемся протоколе, и обязалось не предоставлять другим иностранным подданным больших прав, чем те, которыми пользовались русские. Иными словами, русско-монгольское соглашение 1912 г. и протокол к нему максимально благоприятствовали русской торговле, что обусловило ее заметный рост: в 1911 г. ввоз русских товаров в Монголию составлял 2 115 тыс. р., вывоз — 758 тыс. р. а в 1915 г. — соответственно 11 451 тыс. р. и 2 429 тыс. р. [9, с. 166].

Первая мировая война вызвала резкое сокращение русского экспорта, но способствовала увеличению импорта монгольских лошадей, скота, мяса и другого животноводческого сырья. Кяхтинское тройственное соглашение 1915 г. сохраняло для русского капитала благоприятные условия для овладения монгольским рынком. Однако русские торговые и экономические круги не сумели воспользоваться в полной мере результатами дипломатических побед, полученными льготами и привилегиями. Им не удалось занять место китайского купечества. В то же время Кяхтинское соглашение вновь открыло монгольский рынок для китайского торгово-ростовщического капитала, который вскоре опять стал основным поставщиком промышленных товаров и покупателем монгольского скота и сырья.

Вместе с тем Китай в виду сложной внутривосточной ситуации и сильных позиций России не мог в 1915–1917 гг. решительно вмешаться во внутренние дела автономной Монголии. Проводимая расчетливая политика Китая в отношении автономной Монголии в 1915–1919 гг. реализовывалась при помощи экономических и политических методов давления. Как отмечает С.Г. Лузянин: «Используя громадные людские ресурсы, внутримонгольский плацдарм, географическую близость и другие факторы, Китай применял тактику постепенного «выдавливания» русских купцов из Монголии, тем более, что Кяхтинские статьи не ставили прямых запретов на восстановление активности торгово-ростовщического иностранного и китайского капитала» [5, с. 62].

Нужно сказать, что Китай продолжал постепенно восстанавливать утраченные экономические позиции в Монголии. Более того, несмотря на существующие преимущества, которые имел русский капитал в Монголии по итогам прошедшего Кяхтинского соглашения 1915 г., он все же не мог достаточно эффективно противодействовать китайскому влиянию. Так, например, в 1912–1915 гг. ввоз товаров в Монголию осуществлялся единолично Россией и все же он осуществлял только примерно 30–35 % потребностей внутреннего рынка, что в дальнейшем, при ограниченности ввоза из Китая, приводило к существенному дефициту товаров. В связи с этим И.Д. Майский отмечает заметное экономическое преобладание китайцев в этот период в Монголии по сравнению с российским. В подтверждение этому он приводит следующую статистику: «Китайцы 85 000 человек — 62 %, монголы 50 000 — 36 %, русские 5000 — 2 %» [6, с. 169]. Преобладающее положение Китая по сравнению с российским, автор называет в таких важных сферах как денежное обращение, транспорт, торговля. Учитывая приведенную статистику, мы можем предположить заметное усиление позиции Китая, по сравнению с российским, в экономике Монголии.

Несмотря на общее ослабление, Россия не упускала возможностей усилить свое экономическое присутствие в Монголии. Необходимо от-

метить, что в годы Первой мировой войны на территории Монголии все же работали некоторые торговые организации, одной из них была «Монгольская экспедиция», которая закупала скот для нужд действующей российской армии. Более подробный анализ экономической деятельности российских торговых организаций представлен в материалах Государственного архива Иркутской области» [1, л. 388]. Позже, в 1920-х гг., основные торговые операции Советская Россия проводила непосредственно с Монголией и Китаем через созданную советским правительством организацию Центрсоюз, в частности, его Сибирским отделением, находившемся в Иркутске.

В течение 1915–1917 гг. в автономной Монголии появилось около 70 новых китайских фирм, развернувших свою широкую деятельность в Урге, Улясутае и Кобдо, что сразу отразилось на объемах монголо-китайской торговли: в 1915–1916 гг. она составляла 45–50 млн р., превысив как объемы русско-монгольской торговли, так и показатели торговли собственно Китая за 1909–1910 гг. Следует отметить, что Китай в обход Кяхтинского соглашения 1915 г. продолжал колонизацию Внешней Монголии в скрытой форме. Кроме того, китайский торговый капитал активизировал свои кредитные операции, в частности, вместе с активной торговлей все китайские предприятия осуществляли ссуду денег под высокие проценты. Так, например, каждый хошун (княжество), хоть раз воспользовавшийся ссудой китайских банкиров, делался их вечным должником. Путем неэквивалентного обмена и ростовщического закабаления китайские фирмы истощали ресурсы Монголии и разоряли ее население [2, с. 45].

В связи с этим началось постепенное свертывание российских государственных структур. В то же время в этот период из-за финансовых и экономических трудностей приостановил свою деятельность Монгольский банк, находившийся под полным экономическим влиянием России.

Таким образом, торгово-экономические отношения России с Монголией в начале XX в. развивались по восходящей линии. Расширялся объем торговли, развевалась предпринимательская деятельность русских купцов в Монголии. Особенно интенсивно русско-монгольские экономические отношения развивались в первые годы существования феодально-теократической монархии Богдо-гэгэна в 1911–1915 гг. Важную роль сыграло подписание русско-монгольского соглашения 1912 г., и торгового протокола, способствовавшая росту экономического влияния России в Монголии. В дальнейшем в связи с Первой мировой войной и революционными потрясениями в России происходит постепенное ослабление российско-монгольских торгово-экономических отношений.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 71. — Оп. 2. — Д. 322 (Экспедиция по закупке скота в Монголии для нужд действующей армии).

2. Дамдинсурэн С. Монгольская национально-демократическая революция 1921 года и российский фактор / С. Дамдинсурэн // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке : сб. ст. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 2001. — С. 43–69.

3. Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: Сравнительный анализ в историческом контексте XX века / К. Дэмбэрэл. — Иркутск : Оттиск, 2002. — 122 с.

4. История Монгольской Народной Республики. — М. : Наука, 1983. — 661 с.

5. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин. — М. : Институт Дальнего Востока РАН, 2000. — 268 с.

6. Майский И. М. Монголия / И. М. Майский // Новый Восток. — № 1. — С. 169–173.

7. Майский И. М. Монголия накануне революции / И. М. Майский. — М. : Изд-во вост. лит., 1959. — 310 с.

8. Позднеев А. М. Монголия и Монголы: Результаты поездки в Монголию, исполн. в 1892–1893 гг. / А. М. Позднеев. — Т. 1. Дневники и маршрут 1892 года. Изд-во имп. русск. геогр. общ. — СПб., 1896. — 696 с.

9. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия / Ш. Б. Чимитдоржиев. — М. : Изд-во вост. лит., 1987. — 239 с.

Информация об авторе

Батунаев Эдуард Владимирович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: Batunaeveduard@mail.ru.

Author

Eduard V. Batunaev — Ph.D. in History, Research Worker, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of science, Siberian Branch, 6 Sakhyanova str., 670047, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: Batunaeveduard@mail.ru.

УДК 656.62(5715(091))
ББК 3948(2P54 г)

С.В. ГУЗЕНКОВ

УСТАНОВЛЕНИЕ ПОЧТОВО-ПАССАЖИРСКОГО ПАРОХОДСТВА НА СЕЛЕНГЕ (ДОГОВОР 21 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА)

Освещается проблема установления «субсидированного» пароходства на Селенге в начале XX в. Предметом исследования является юридический документ, определяющий правила выполнения селенгинских почтово-пассажирских рейсов, — договор, заключенный между Управлением внутренних водных путей и шоссейных дорог МПС и Верхнеудинской пароходной компанией 21 декабря 1913 г.

Ключевые слова: экономическая история Сибири, история речного транспорта Восточной Сибири в начале XX в., освоение сибирских